

РАБОЧИЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Середина 90-х гг. XIX в. отмечена как определенная веха в формировании особого сословия рабочих (юридически, правда, незафиксированного) со своими представлениями, интересами, поведением. На это обращалось внимание в материалах самого различного происхождения и политического направления, исходивших от санитарных врачей и администраторов фабрично-заводского производства, радикальной интеллигенции, правительственных чиновников. В докладе инженера-технолога А. Голгофского на Торгово-промышленном съезде 1896 г. под весьма характерным названием "Современный фабрично-рабочий в физическом, умственном и нравственном отношении..." отмечалось: "Проезжая по любой нашей железной дороге и окидывая взглядом публику на станциях, на многих из них невольно обращает на себя ваше внимание группа людей, выделяющихся из обычной станционной публики и носящих на себе какой-то особый отпечаток. Это, во-первых, люди, одетые на особый лад: брюки по-европейски, рубашка цветная на выпуск, поверх рубашки - жилетка и неизменный пиджак; на голове суконная фуражка; затем это люди большею частью тощие со слабо развитой грудью, с бескровным цветом лица, с нервно бегающими глазами, с беспечно ироническим на все взглядом и манерами людей, которым море по колено и нраву которых не препятствуй... везде, где только существует фабрика, вы встретите один и тот же тип людей... Он, этот фабрично-рабочий, так сформировался и обособился в среде других классов населения России, что вы сразу узнаете его между сотнями и тысячами других людей..."¹

Хотя первые стачки и издание первых фабричных законов относились к предшествовавшим десятилетиям, все же фабричная инспекция была распространена на всю Европейскую Россию именно в середине 90-х гг. XIX в. И тогда же начался учет ею стачек на фабрично-заводских предприятиях по всей этой территории (до этого инспекция действовала лишь в двух губерниях). Радикальная нелегальная печать называла выступления рабочих уже не "бунтами", а стачками. Забастовки становятся систематическими, нередко принимая характер коллективных, групповых выступлений, когда одновременно бастовали рабочие нескольких, обычно близлежащих "родственных" предприятий.

Именно ко второй половине 90-х гг. XIX в. относится и возникновение социал-демократических и социалистических организаций, действовавших в рабочей среде, как типичного явления. В конце 90-х гг. на рабочее движение обращает внимание не только Министерство финансов (через фабричную инспекцию), но и Департамент полиции МВД, пытаясь придать ему полицейский "зубатовский" характер.

В настоящей статье предпринимается попытка дать наиболее общую характеристику основных слоев рабочих страны с середины 90-х гг. и до той естественной грани в истории рабочего сословия, какой явился 1905 г.

Нельзя сказать, что этой темы никто ранее не касался. Она затрагивалась теми авторами, которые пытались нарисовать облик различных слоев рабочих, их менталитет (представления и поведение)², но все же рабочие в силу ряда причин ранее изучались прежде всего и в основном не как объект, а как субъект истории. К тому же рабочие и их массовое движение в прошлом рисовались в приукрашенном виде, что делалось, в частности, и для обоснования социалистического характера Октябрьской революции 1917 г.

В связи с неразработанностью этой темы и перекосами в освещении даже такой, казалось бы, изученной ее составной части, как трудовые конфликты и рабочее движение, обращение к названным вопросам имеет актуальное значение и не только историографическое.

Автор делает попытку представить своего рода стереотипы представлений и поведения различных пролетарских слоев - высшего (наиболее культурных, грамотных, социально активных рабочих), среднего и низшего, - связанные с такими жизненно важными вопросами, как отношение к государственному устройству, гражданской и политической свободе, властям (различных уровней), религии и церкви, родине и защите отечества от внешних врагов, предпринимателям, различным классам и слоям общества, представителям других

*Кириянов Юрий Ильич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

национальностей, к своему материальному положению, культурному и образовательному уровню, к частной собственности, труду, семье, к средствам и формам улучшения своего положения.

Для рассматриваемого десятилетия достаточно полным отражением менталитета большинства рабочих являлось многотысячное шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. для передачи Николаю II своей петиции. Это было легальное обращение к царю, у которого "искали правды и защиты". Петиция содержала указания на обнищание, обременение непосильным трудом, деспотизм и произвол со стороны хозяев и фабричной администрации, на "порабощение" "под покровительством твоих (царских. -Ю.К.) чиновников, с их помощью, при их содействии". В петиции указывалось на необходимость создания народного представительства, причем реализация этого пожелания связывалась с волей царя: "...повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей тайной и равной подачи голосов"³. Шествие проходило под эгидой священника Гапона и имело монархическую и религиозную атрибутику (иконы, церковные знамена - хоругви и др.). Такую же окраску имела и петиция. При этом рабочие стремились отгородиться от партийных агитаторов различных политических направлений (социал-демократов, эсеров) с тем, чтобы те не помешали осуществлению их замысла.

И только после расстрела 9 января 1905 г. произошел перелом в сознании и поведении рабочих, который и привел к взрывной реакции и массовым выступлениям протеста по всей стране, давшим в течение одного месяца столько стачечников, сколько их было за все предшествующее десятилетие.

Перед тем как приступить к освещению темы, сделаем несколько предварительных замечаний. Следует иметь в виду относительно низкий уровень экономического развития страны (производство на душу населения, на единицу территории), слабую техническую оснащенность промышленности, что не могло не отражаться на условиях труда и материальном обеспечении рабочих, их быте.

Уместно напомнить, что в России конца XIX - начала XX в. существовал самодержавно-монархический строй. В стране не было парламента (на правах совещательного органа действовал лишь Государственный совет), отсутствовали демократические свободы - слова, печати, собраний. Создание профсоюзных обществ и тем более партийных организаций не разрешалось, по закону преследовались активные участники массовых выступлений рабочих даже на экономической почве.

Число промышленных, прежде всего фабрично-заводских рабочих, было относительно невелико. В 1900 г. их насчитывалось около 3 млн. человек, а вместе с занятыми в строительстве, на земляных работах, в сельском хозяйстве, в качестве чернорабочих, грузчиков, а также в кустарном и ремесленном производстве - примерно 14 млн. (из 140-миллионного населения страны)⁴. Пролетариат был молод и еще не прошел основательной "выучки" капитализмом. Значительная часть не только непромышленных, но и фабрично-заводских рабочих оставалась связанной если не с сельским хозяйством, то с деревней.

В литературе еще совсем недавно обращалось внимание прежде всего на постепенный разрыв связи промышленных рабочих с сельским хозяйством и деревней. Однако в рассматриваемый период значительная, если не большая, их часть оставалась связанной с землей⁵. В докладе фабричных инспекторов Московской губернии в начале 1905 г. отмечалось, что "большинство московских фабричных рабочих сохранило связь с деревней", а эта связь обязывала рабочего отсылать часть своего скудного заработка "на нужды деревни"⁶. Нельзя не считаться и с тем, что ряды рабочих промышленных предприятий страны лишь наполовину пополнялись за счет выходцев из пролетарских семей; другая же половина формировалась из крестьян, привносивших в рабочую среду свои представления и психологию⁷. Сохранявшаяся вплоть до 1917 г. и даже позже связь с деревней накладывала определенный отпечаток на образ мышления, представления и поведение рабочих.

Наконец необходимо иметь в виду, что пролетариат был достаточно неоднороден. Поэтому учет специфики положения и поведения различных слоев рабочих (а не фокусирование внимания на верхнем их слое, как это делалось ранее в литературе) является совершенно обязательным и дает возможность более реалистично, всесторонне и взвешенно посмотреть и на события 9 января 1905 г., и на их предысторию, которые во многом были связаны с преобладанием в рабочей среде (даже столицы) настроений, взглядов и представлений, характерных для не самой передовой части пролетариата.

Каковы же были представления рабочих по кардинальным вопросам социальной, экономической и политической жизни, которыми определялось их поведение?

Можно указать на ряд черт, характерных для основной массы рабочих конца XIX -первых лет XX в.: почитание Бога и царя, уважение к хозяевам и представителям властей, нравственно-бытовой традиционализм. Однако некоторые из этих устойчивых в прошлом представлений, имевших своим источником крестьянскую психологию и мораль, именно в рассматриваемое время пришли в явное противоречие с условиями, в которых жила и трудилась основная масса рабочих. Многие рабочие начинали не только чувствовать, но и осознавать и материальную, и правовую неустроенность своей жизни.

Острее, чем все другое, причем постоянно, ощущалось тяжелое экономическое положение и бесправие. В различных документах присутствуют жалобы рабочих на тяжелые условия труда - продолжительный рабочий день (по закону 1897 г. он не должен был превышать 11 ¹/₂ часа), низкую заработную плату, "прижимки" администрации и мастеров, неоправданную браковку изготовленной продукции, снижавшую заработок, а также плохое питание и жилье.

Постоянной темой разговоров, жалоб, заявлений рабочих была низкая оплата труда - чуть более 200 руб. в год в фабрично-заводской промышленности, что не давало возможности большинству рабочих семей сводить концы с концами. Регулярно встречались сетования на тяжесть труда как следствие слабой технической оснащенности предприятий, на жилищную неустроенность и невозможность нормально отдохнуть в условиях рабочей казармы. Эти умонастроения рабочих улавливали и отражали в нелегальной печати, листовках социал-демократы, эсеры, члены СДКПиЛ, ПСС и др. В определенной мере показательны выдержки из прокламации "Ко всем харьковским рабочим", выпущенной в 1898 г. с подписью "Рабочие": "Очень трудно прожить на те жалкие гроши, которые бросают нам хозяева"; многие "идут на сверхурочную работу"; "кроме этих "законных" способов эксплуатации..., есть еще незаконные: штрафы, вычеты, недоплата по условиям, т.е. дневной грабеж"; "будем дружно требовать: 1) сокращения рабочего времени; 2) уничтожения сверхурочной работы и штрафов; 3) повышения расценок; 4) воскресного и праздничного отдыха; 5) человеческого обращения с нами. Только в дружной борьбе с нашим общим врагом наше спасение. Будем же все за одного и один за всех. Станем смело против врага и тогда победа за нами"⁸. Сохранилась обобщенная характеристика требований рабочих Киева в период всеобщей стачки 21-28 июля 1903 г., сделанная старшим фабричным инспектором. В городе было учтено 78 фабричных заведений с 9217 рабочими. В числе главных требований указывались следующие: уменьшение рабочего дня до 8-9 часов (этого добивались 68% рабочих), повышение поденной платы (71%), вежливое обращение (66%), улучшение медицинской помощи (54%), улучшение условий труда в гигиеническом и санитарном отношении (41%), оказание материальной помощи во время болезни (28%)⁹.

В документе, подготовленном совещанием фабричных инспекторов Московской губернии, требования и пожелания рабочих во время забастовок в январе 1905 г. были сгруппированы следующим образом: I. **Рабочее время** (1) сокращение рабочего времени; 2) сверхурочные необязательные работы (отмена); 3) выдача заработка в рабочее время). II. **Заработная плата** (1) увеличение заработной платы; 2) неопределенность заработка при сдельных работах; 3) плата за сверхурочные работы; 4) прибавки за продолжительную службу). III. **Врачебная помощь** (1) неокказание врачебной помощи на дому семейным рабочим, невыдача лекарств по рецептам частных врачей). IV. **Санитарное состояние рабочих и жилых помещений** (1) бани). V. **Харчевание рабочих** (1) несвоевременная уплата поставщикам за продукты денег, удержанных конторой с рабочих; 2) продажа из фабричных лавок (расценки, качество продуктов)). VI. **Бытовые условия** (1) семейные рабочие; 2) прием родственников; 3) положение рожениц; 4) ясли). VII. **Организация рабочих** (1) участие рабочих в составлении расценок, распределении работ и при решении вопросов об увольнении рабочих для выяснения каждой из причин, вызывающих эти увольнения). VIII. **Правовое положение рабочих** (1) увольнение рабочих (срок определенный и неопределенный); 2) отмена обысков; 3) вежливое обращение с рабочими; 4) преследование администрацией фабрики рабочих, обращающихся с жалобами к фабричному инспектору; 5) несвоевременная выдача заработной платы). IX. **Обеспечение рабочих на случай инвалидности, старости, болезней и проч.** X. **Просветительные учреждения для рабочих**¹⁰. Отчеты и доклады фабричных инспекторов других губерний, документы фабрично-заводской администрации и местных властей, содержащие сводку и анализ нужд рабочих и обобщающие их требования, подтверждают типичность приведенных данных¹¹. Об этом же свидетельствует и петиция рабочих Петербурга, с которой они шли к царю 9 января 1905 г.

Наряду с тяжелым экономическим положением, рабочие остро ощущали произвол администрации предприятий и местных властей, особенно полицейских, державших, как правило, сторону работодателя. В этом отношении показательно заключение съезда окружных и старших фабричных инспекторов, который прошел в Петербурге весной 1895 г. В нем отмечалось: "...Наиболее развитые из рабочего населения вполне сознали потребность создания такого положения, при котором рабочие получили бы возможность беспрепятственно обсуждать свои нужды и изыскивать законные способы к улучшению своего быта... Требования, которые выставляют рабочие, за редкими исключениями, не направлены против основ существующего строя. Главнейшие требования - весьма скромные пожелания и притом узкопрофессионального характера. Так, под свободой собраний они понимают право обсуждать свои нужды и изыскивать пути к улучшению своего положения; свобода слова представляется им в виде возможности законными способами заявлять о своих нуждах; под неприкосновенностью жилища и личности они понимают освобождение рабочего от постоянного страха ареста и насильственного вторжения в его жилище за одно только то, что он заявляет о своих нуждах и предъявляет требования об изменении условий найма..."¹² И это подтверждается источниками самого различного происхождения. В 1902 г. при обыске у рабочего судостроительного завода Севастопольского адмиралтейства было обнаружено сочиненное им стихотворение, в котором описывались порядки на заводе¹³:

...Этот адмирал Лещинский
Обращается по-свински,
Выгоняет в шею вон, Кто
напомнит про закон. Чрез
Лещинского-осла На получку
нет числа, Три недели ожидаем,
Очень часто голодаем. Горько
стало всем рабочим, Нет
свободы нам, как прочим.
Пикнуть не имеем права, С нами
коротка расправа.

В докладе фабричных инспекторов Московской губернии о причинах январских (1905 г.) забастовок рабочих читаем следующее: "Рабочие жалуются на свое беспомощное правовое положение. "Пойдешь к инспектору, а тебя с фабрики вон, - говорят они. - Хорошо, коли упредят за 2 недели, а то и сразу в шею..." Общераспространено и характерно заявление рабочих, что всякие сношения и разговоры с администрацией фабрики или фабричным инспектором по поводу неудовольствий или недоразумений с мастерами, поручения группой рабочих выборными для того товарищами ("депутатами") влечет за собою неминуемое увольнение этих лиц с фабрики, а часто и административную высылку на родину как "зачинщиков"... На одном крупном механическом заводе, после того как все недоразумения были выяснены и уже спустя полторы недели как рабочие стали на работы, снова началась забастовка из-за того, что некоторые рабочие были арестованы.

Рабочие постоянно заявляют, что им негде поговорить между собою о своих нуждах и претензиях: "С улицы гонят, на фабрике нельзя остановиться у товарища"... Если фабричный инспектор при разборе жалобы рабочего видит основательность его заявления, то после неудавшейся попытки примирения сторон направляет рабочего в суд; рабочие это предложение встречают очень охотно (вероятно, неохотно. - Ю.К.) и говорят инспектору: "Прикажите администрации предприятия уплатить (рабочему. - Ю. К.)". Объяснение этого лежит как в некультурности большей части рабочих, так и в силу необеспеченности их и длительной процедуры судебного разбирательства; в суд обращаются крайне редко, в огромном же большинстве случаев бросают свои иски или идут с фабрикантами на явно невыгодные для себя сделки"¹⁴.

В петиции рабочих 9 января 1905 г. указывались следующие необходимые меры против бесправия: "1) Немедленное освобождение и возвращение всех, пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки; 2) немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии...; 4) ответственность министров перед на-

родом и гарантия законности правления; 5) равенство перед законом всех без исключения..."

Таким образом, при известном различии менталитета высших, средних и низших слоев рабочих в рассматриваемое время можно отметить у них и некоторые общие черты: стремление к материальному достатку, к обустроенной, "человеческой" жизни, к защите своего достоинства, прав человека и рабочего, к объединению.

Каково же было отношение рабочих к самодержавию и царю?

Отождествление в литературе недавнего времени самодержавия и власти монарха представляется неправомерным. Многочисленные документы зафиксировали сознательное или неосознанное отрицательное отношение рабочих к самодержавию, под которым, однако, понимались прежде всего не государственное устройство, а полицейско-бюрократический произвол администрации на предприятии, в городе, губернии. В петиции царю многократно говорилось о гнете, испытываемом рабочими от чиновников, о наглой эксплуатации рабочих капиталистами и о "грабющем и душащем народ чиновничьем правительстве". Но при этом монархическое устройство государства, власть царя не затрагивались. Эта тема в абсолютном большинстве документов, исходивших от рабочих, просто не обсуждалась. Показательно в этом отношении письмо Емельяна из Одессы в редакцию газеты "Искра", относящееся к лету - осени 1903 г., когда ряд городов Юга, включая Одессу, был охвачен стачками. В нем говорилось: "В некоторых слоях серой массы населения представления о роли царя проявляются, между прочим, в довольно типичных возгласах "Долой самодержавие, а царя оставить"¹⁵. В Одессе на митинге во время всеобщей стачки в 1903 г. оратора, затронувшего тему "про царя", избili¹⁶. Говорить в рабочей среде Донбасса "против царя" вплоть до 1904 г. нельзя было даже в небольших кружках¹⁷. В этой же связи можно напомнить и шествие 50-тысячной толпы рабочих Москвы 19 февраля 1902 г. для возложения серебряного венка к памятнику царю-освободителю Александру II в Кремле¹⁸. Участников этого верноподданнического шествия было больше, чем в любой стачке рассматриваемого периода (в Ростове-на-Дону в ноябре 1902 г. - 30 тыс.; в каждом из городов Юга летом 1903 г. - не более 50 тыс.).

Пролетарская масса, в отличие от рабочих, связанных с социалистами и порвавших с верой в царя, сохраняла монархические настроения. До событий 9 января 1905 г. за десятками тысяч распропагандированных рабочих стояли миллионы, у которых вера в царя оставалась пока нерушимой. Значительная часть рабочих ("отсталые слои пролетариата", по определению социалистов) сохраняла "монархические предрассудки" и в разгар революционных событий 1905 г. встала, наряду с представителями других слоев городского населения, на защиту государственных устоев¹⁹.

Многие представления рабочих - отношение к вере, монарху, отечеству, а также нормы общественно-бытового поведения - освящались религией. Как отмечал исследователь этого вопроса М.М. Персиц, "в своем критическом отношении к религии рабочая масса до 1905 г. не поднималась и не могла подняться выше религиозного индифферентизма"²⁰. Но индифферентизм этот выражался прежде всего в нерегулярном (в силу ряда причин) отправлении обычных религиозных обрядов и в непосещении церкви. Тем не менее большинство рабочих верили в Бога, чтит религиозные обычаи, обряды, праздники. П.Г. Смидович, приехавший в 1898 г. в Екатеринослав и устроившийся работать на один из заводов электротехником, сообщал в нелегальную газету, что местные рабочие расспрашивали его о "европейских порядках, о свободе, о религии, о хозяевах, полиции и т.д." Но токарь и слесарь железнодорожной мастерской "в конце концов отказываются садиться со мной за стол, - писал Смидович, - потому что я в Бога не верую"²¹.

Немало документов, исходивших от рабочих, особенно после издания закона 1897 г., зафиксировали требования не проводить работ в дни религиозных праздников. Указаний в литературе и хрониках рабочего движения на волнения и стачки, которые были связаны с нежеланием рабочих трудиться в праздничные дни, - немало. Однако упоминание о том, что все эти праздники были религиозными, в доперестроечной литературе снималось, и характер этих выступлений как бы видоизменялся. Между тем, согласно документам фабричной инспекции и полиции, а также социал-демократическим листовкам, в последние годы XIX в. рабочие во время массовых выступлений выдвигали требования не проводить работы в религиозные праздники или по крайней мере оплачивать работу в эти дни как праздничную и не взыскивать штрафов за невыход на работу. В числе таких дней во время волнений и стачек 1898 г. рабочими назывались "дванадцатые праздники", в том числе "Сретение Господне" (11 текстильных фабрик Петербурга), "Масляная неделя"

(бумаготкацкая фабрика П. и И. Шаповых и сахарорафинадный завод Даниловского т-ва в Москве), "Страстная неделя" (Главные паровозные мастерские Александровского механического завода Николаевской железной дороги в Петербурге), "Святая Троица" (фабрика джутовых изделий бр. Гольдштейн и Одерфельда в Ченстохове), "Перенесение мощей Св. Николая Чудотворца" (6 хлопчатобумажных фабрик Петербурга), "Церковный праздник Ильи Пророка" (5 бумагопрядильных и ситценабивных фабрик Петербурга), "Воздвижение Креста Господня" (3 текстильных фабрики Петербурга), "Введение во Храм пресвятой Богородицы" (3 текстильных предприятия Петербурга, предприятие в Одессе), "Христов день" (Нижний Новгород)²². Даже если допустить, что подобного рода требования отчасти вызывались стремлением использовать повод для облегчения тяжелого труда, приверженность рабочих чтить религиозный календарь едва ли может вызвать сомнение. Примечательно, что столкновения рабочих с администрацией на указанной почве были зафиксированы в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Одессе, Ченстохове. Эти умонастроения рабочих находили отражение и в листовках социалистов²³. В особых местах на предприятиях и в жилых помещениях обязательно висели иконы. Можно, правда, отметить, что во вновь осваиваемых районах (включая Донбасс) строительство культовых зданий не поспевало за строительством производственных объектов, и регулярность посещения церкви нарушалась.

Религиозность подчас находила проявление и во время массовых выступлений. Рабочие одной из табачных фабрик Симферополя, раньше почти не слышавшие революционного слова и познакомившиеся в 1902 г. с прокламацией, призывавшей к стачке, "клялись на Библии друг другу держаться до конца, пока хозяин не уступит"²⁴. В петиции петербургских рабочих, которую предполагалось передать царю 9 января 1905 г., после перечисления их невзгод была фраза: "Государь! Разве это согласно с Божескими законами, милостью которых, ты царствуешь?" Можно отметить также, что на этом этапе агитация социалистических партий почти не касалась религиозной сферы.

Все сказанное дает основание полагать, что религиозный индифферентизм как массовое явление в среде рабочих следует относить все же к более позднему времени - к 1905-1907 и последующим годам, когда, по крайней мере в городах, населению стал доступен кинематограф, а также другие массовые развлечения. Определенное подтверждение этому мы находим в газете правых "Русское знамя" за 1910 г. В заметке, которая называлась "Господство религиозного индифферентизма" и была посвящена описанию положения в одном из южных промышленных центров - Николаеве, отмечалось: "...пролетарию еще с 1905 г. стала безразлична вера его предков... Веяния новых идей повлияли в отрицательную сторону на религиозную психику русского народа, который теперь с легкой душой бежит смотреть театральные зрелища и уже тяготится исполнением долга православного, становясь совершенно безразличным к своей святыне - храму Божьему..."²⁵

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. лишь политизированные рабочие, связанные с партийными организациями, являлись атеистами, хотя прежние устои, характеризовавшие отношение рабочей массы к религии и церкви, были поколеблены²⁶.

Что касается отношения рабочих к защите отечества, то можно констатировать патриотические умонастроения рабочей среды не только в период русско-японской войны 1904-1905 гг., но и по крайней мере в начале первой мировой войны (в 1914-1915 гг.)²⁷. На формирование такого отношения оказывали влияние господствовавшая официальная идеология и давняя крестьянская традиция. Правда, часть рабочих, преимущественно в западных регионах, принимала участие в антимобилизационных демонстрациях. Но подобного рода выступления были единичны. Из общего числа 428 уличных демонстраций в России в 1901-1904 гг. на долю демонстраций антивоенного характера, прежде всего антимобилизационных, приходилось всего 48, или 11%. Для последнего пятилетия XIX в. соответствующие показатели были несравненно ниже²⁸.

Каждый общественный слой вырабатывает свои представления о социальном идеале. Не были исключением и рабочие России, которые во второй половине XIX в. черпали свои представления, с одной стороны, из религии, а с другой - из привносимой в их среду интеллигенцией социалистической литературы.

Каким же было восприятие рабочими идеального общества и как эти мифологемы соотносились с высказываниями социалистов?

В России конца XIX - начала XX в. - стране невысокого уровня развития капитализма, насчитывавшего лишь несколько десятилетий своей истории, представления об идеальном обществе, казалось бы, являлись не более чем иллюзией, утопией. Но с другой стороны,

именно пороки капитализма периода первоначального накопления создавали благоприятную почву для пропаганды социалистов о борьбе за светлое и справедливое общество, в котором нет противоположности интересов различных групп населения, работодателей и рабочих, и обеспечивается материальный достаток для всех.

Высказывания о справедливом обществе, о социализме в революционной литературе встречались издавна²⁹. С середины 90-х гг. XIX в., по крайней мере в нелегальных изданиях, они звучали уже достаточно часто. Но несмотря на агитацию в нелегальной социалистической печати, многие практики вынуждены были констатировать, что рабочая масса либо имела о социализме сугубо превратное представление, либо не знала о нем ничего. «В настоящее время, - писал один из корреспондентов в редакцию "Искры" в июне 1901 г., - о конечных целях движения говорят неохотно, а если и говорят, то конфузясь и краснея». В письме из Тулы по тому же адресу от февраля 1902 г. отмечалось, что "наши пролетарии в массе не знают, что такое социализм, и считают его ругательным словом". В письме из Петербурга в редакцию "Искры" осенью 1902 г. сообщалось о "полном невежестве рабочих в основных вопросах социализма"³⁰. Осенью 1903 г. Г.В. Плеханов соглашался с мнением о неясности идей социализма даже для стачечников, считавшихся потенциально более подготовленными к восприятию социалистического идеала³¹. Таким образом, у большинства рабочих представления о социализме были весьма расплывчатыми, нередко превратными и в лучшем случае ассоциировались со справедливым и равноправным обществом.

И лишь для части "сознательных" рабочих социалистический идеал являлся чем-то более конкретным. Сохранился замечательный в своем роде документ - стихотворение одного из членов "Иваново-Вознесенского рабочего союза", относящееся к концу 1895 г. В нем, хотя и в наивной форме, отражена идейная платформа "Союза", его задачи и цели, социалистические идеалы³²:

Мы, как члены славной партии,
Социальной демократии, Мы
прогресс желаем ей! Мы - гроза
купцов, царей... Мы - враги такого
строя, Где бездельники царят, А
рабочих, - все создавших, -
Страшным голодом морят. Нашей
партии задача: Ниспровергнуть
этот строй. А на месте стона, плача
Создадим мы строй иной, Строй
такой, где люди будут Все
всеобщее иметь: И земель, и
капиталом Сообща будут владеть.
Будут все равно трудиться, И
продукты от труда Будут поровну
делиться Меж рабочими тогда.
Всю нетрудящуюся сволочь
Пошлем мы к черту!.. И тогда
Осуществим мы царство мира,
Свободы, равного труда.

Из этого следует, что осуществление социалистического идеала предполагало ликвидацию, наряду с властью царей, и власти купцов, "бездельников", которые живут чужим трудом и вынуждают рабочих прозябать в нищете. Во вновь создаваемом справедливом обществе земель и капиталом должны были владеть "все сообща", все должны были "равно трудиться" и продукты труда делить "поровну", а само новое общество призвано было стать олицетворением "царства мира". Эти представления провинциального рабочего-партийца были близки к стереотипу социалистической литературы, характерному и для первых лет XX в. В. И. Ленин писал в ноябре 1905 г.: "Социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения товарного хозяйства. Социализм требует, чтобы и земли и

фабрики перешли в руки всех трудящихся, организующих по общему плану крупное (а не разрозненное мелкое) производство"³³.

Если "сознательные" рабочие, может быть, не всегда разбирались в содержании понятия "социализм", то сам термин был им достаточно хорошо знаком, благодаря прежде всего нелегальным изданиям, листовкам³⁴, а иногда и легальной печати, борющейся с "социалистическими учениями". Комментируя выход одной из таких разоблачительных брошюр, "Московские ведомости" писали в январе 1903 г., что появление подобных произведений вызвано успехами "ученых деятелей социалистической пропаганды", стремившихся "просветить" московских рабочих "великим учением о широких всемирных задачах" социализма, сбивая их с толку доказательствами "необходимости коренного общественного переворота", без которого русские рабочие будто бы никогда не достигнут благоустроенной жизни. "Они вообразили себе, - продолжала газета, - что русского рабочего так же легко завлечь в социалистическую ловушку, как и его западноевропейского товарища, дабы затем ловким образом злоупотребить его доверчивостью и сделать его слепым орудием социалистической революции в России"³⁵.

Здесь уместно рассмотреть вопрос об отношении рабочих России к частной собственности.

Сколько-нибудь заметной и прочной приверженности к собственности у большинства рабочих не было. И это можно объяснить их необустроенностью, низким уровнем жизни, отсутствием во многих случаях недвижимого имущества (жилья), низкой оплатой труда, не позволявшей скопить денег, отсутствием частнособственнической традиции, сохранившимися общинными представлениями.

В этой связи небезынтересно заключение одного из профсоюзных журналов за 1908 г., сделанное по поводу описанных жилищных условий текстильщиков Петербурга: "...4 квадратных аршина пола, т.е. квадрат 2 на 2 аршина (примерно 2 кв. м. - Ю. К.)... Если поставить человека в центре этого квадрата, то куда бы он ни шагнул, он сейчас же очутится за пределами своих владений и нарушит чужую собственность. Не потому ли наш рабочий не расположен к признанию священных прав собственности и так склонен к социализму?"³⁶

С этим, надо полагать, было связано и нескрываемое негативное отношение рабочих к чужой собственности. Подобное умонастроение подогревалось социалистической пропагандой, постоянно указывавшей на несправедливое распределение богатства в обществе и призывавшей требовать от хозяев открытия бесплатных садов и парков, организации бесплатных гуляний для рабочих. Так, в одной из социал-демократических листовок, изданных в Петербурге в 1898 г., по этому поводу говорилось: "...Мы должны пользоваться этими развлечениями не как хозяйской подачкой, а как своей собственностью"³⁷.

Негативное отношение к чужой собственности проявлялось прежде всего на предприятии. Низкая оплата тяжелого труда подводила рабочих к мысли о том, что раз предприятие так бесчеловечно эксплуатирует рабочего, крадет его заработную плату, то и рабочий вправе поступать соответствующим образом в отношении хозяйской собственности. Отсюда ставшая на многих предприятиях ординарным явлением кража изделий и деталей, которые затем можно было продавать на рынке и пополнять таким способом свой доход. П. Г. Смидович отмечал в газетной заметке, что "несуны" (рабочие, незаконно, скрытно выносившие с предприятия какие-то вещи) были тогда на металлических заводах города чуть ли не обычным, массовым явлением. Воровство не выходило, как правило, за пределы "сферы производства" и напоминало кражи крестьянами помещичьего леса, сена и т.п., также совершавшиеся "из нужды". Воровство процветало и на почве пьянства. А.М. Панкратова, обобщая данные автобиографий рабочих завода "Серп и молот" (бывш. Гужона), имевшие отношения к началу века, писала: "Пьянство среди рабочих было весьма распространенным явлением. Многие пропивали после получки все жалование. У огромного большинства пьющих рабочих уходило до одной трети заработка на водку. На этой почве процветали воровство заводского имущества и задолженность в заводской лавке..."³⁸

В осознании своего тяжелого материального положения, его резкого отличия от положения предпринимателей и несправедливого распределения богатства в обществе, вероятно, следует искать объяснение и наклонности части рабочих к погромным действиям, которые часто проявлялись во время стачек, но не только. Эти погромные настроения рабочих рубежа XIX-XX вв. достаточно хорошо известны по "Отчетам" фабричных инспекторов и по новейшей литературе (в частности, по монографии американского историка Ч. Винна)³⁹.

Отсутствие сколько-нибудь сильного частнособственнического начала в среде рабочих

способствовало восприятию ими социалистического учения, предполагавшего ликвидацию частной собственности на предприятия, землю и т.п. В этой связи нельзя не привести слова П. Н. Дурново - министра внутренних дел в кабинете С.Ю. Витте. В "Записке" на имя Николая II Дурново в феврале 1914 г. писал, что, по его глубокому убеждению, в России "народные массы несомненно исповедуют принципы бессознательного социализма" и здесь "всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое" (а не в политическую революцию, как на Западе)⁴⁰.

Потребность в улучшении условий труда и быта, в обустройстве своей жизни, в достойном обращении побуждала рабочих искать пути выхода из создавшегося положения. Часть рабочих по-прежнему уповала на просьбы, обращенные к предпринимателям, администрации предприятий, фабричной инспекции, представителям местных властей (полицейским чинам, губернатору). Достаточно сказать, что в официальных материалах фабричной инспекции за 1901-1914 гг., фиксирувавших стачки рабочих, был специальный раздел "Жалобы и просьбы"⁴¹. Но вместе с тем с середины 90-х гг. XIX в. стачка - предъявление требований, сопровождавшееся прекращением работ - становится уже обычным явлением фабрично-заводской жизни. К этой форме протеста стали прибегать достаточно часто, причем нередко большие группы рабочих, что побудило правительство начать с 1895 г. учет стачек в фабрично-заводской промышленности.

Правда, доля участников стачечного движения вплоть до 1905 г. оставалась еще незначительной, не превышая 5% от общего числа фабрично-заводских рабочих. Этот показатель относится к 1903 г., за другие годы предреволюционного десятилетия он был еще меньше. Со временем число участников стачечного движения, естественно, росло, но удельный их вес оставался незначительным. Отдельные группы рабочих, преимущественно в столицах и в промышленных центрах западного и южного регионов, поднимались до политических протестов - участия в демонстрациях. Но их было сравнительно мало.

Одной из черт менталитета рабочих был коллективизм (по-видимому, он имел еще крестьянские корни). В последние десятилетия XIX в. коллективистская психология воплотилась в популярном в среде рабочих лозунге "Один за всех и все за одного", который все чаще звучал во время массовых выступлений и воспроизводился в нелегальных листовках⁴². Однако коллективизм рабочих (по крайней мере до 1905 г.) имел "местный масштаб", не выходил обычно за пределы предприятия, города и связанного с ним региона (а у крестьян - нескольких уездов). Солидарность с рабочими других городов была еще редким и немасштабным явлением. Даже в период всеобщей стачки на юге России в июле-сентябре 1903 г. выступления рабочих в различных городах проходили не одновременно, а как бы "по цепочке". Рабочие во многих случаях выражали скорее не солидарность, а стремление добиться того же, чего добивались или добились их товарищи. "Всеобщая стачка" на Юге не была поддержана рабочими других регионов.

До 1905 г. к числу выступлений солидарности следует отнести прежде всего первомайские демонстрации и стачки. Но их было немного, причем проходили они преимущественно в столицах и городах западного и южного регионов. Первомайских демонстраций в России (включая и Финляндию) ежегодно проходило от 15 до 32, а всего в 1901-1904 гг. их было 80, что составляло менее пятой части от общего числа демонстраций (428)⁴³. Переломным в этом отношении следует считать 1905 г., особенно его последние месяцы.

Часть же рабочих продолжала использовать старые методы протеста, связанные скорее со своими прошлыми представлениями - уход (бегство) в нарушение договора найма, поджоги, погромные выступления, террористические акты и др.

Каковы были представления рабочих о необходимости и возможностях их объединения в профессионально-классовые организации, их участия в партийных организациях?

Надо сказать, что часть рабочих России, прежде всего в западных регионах страны, имела - пусть самые общие - представления о профсоюзах и партиях, которые существовали и действовали (причем легально) в странах Западной Европы. Более того, часть рабочих поднялась до осознания необходимости создания профсоюзных организаций и в России. Такие нелегальные организации начали действовать уже на рубеже XIX и XX в. Появление с согласия властей так называемых зубатовских рабочих организаций в Москве, а также в западном и южном регионах были отражением этого процесса. Подобные легальные организации в первые годы XX в. действовали в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, Екатеринославе, Николаеве, Минске, Одессе, Вильно, Гродно, Бобруйске, Перми. Однако численность даже этих, открытых с согласия полиции, организаций оставалась сравнительно небольшой: в Москве она достигала нескольких тысяч, в Минске - 1,5 тыс., в Одессе - 2 тыс. человек⁴⁴.

В конце XIX — начале XX в. "сознательные" рабочие начали искать связи с социалистическими организациями. Характерно, однако, что в написанной И. В. Бабушкиным в конце 1895 - начале 1896 г. для Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса" листовке "Что такое социалист и политический преступник" отмечалось: «Большинство рабочих не имеет понятия о том, что такое "социалист"»⁴⁵. П. Г. Смидович осенью 1898 г. сообщал из Екатеринослава, что токарь и слесарь железнодорожной мастерской рассказывали ему "о прокламации, разбросанной в мастерской, как о чем-то совершенно чужом и непонятном"⁴⁶. Со временем число рабочих, познакомившихся с революционной литературой и узнавших, что значит слово "социалист", естественно, увеличилось. Но нередко бывало так, что рабочие проявляли колебания: сначала поддерживали зубатовцев, а затем революционеров или наоборот, как это было, например, в Минске в 1901 г.⁴⁷ Имеются свидетельства, что на рубеже XIX-XX вв., по крайней мере в некоторых регионах, рабочие, в том числе и участвовавшие в формировавшихся нелегальных группах, еще плохо разбирались в их партийной принадлежности. Так, один из участников подполья в Донбассе, в то время эсер, отмечал в 1909 г.: "Читали с-р и с-д литературу. Но того, что называется партийностью, вначале не было. Большинство слабо разбиралось в различиях партий. Было одно: это сознание необходимости бороться. Бороться с капиталистами за лучшие условия труда. И с самодержавием - за право на свободу слова и печати, собраний и совести и т.д."⁴⁸

Непосредственное участие рабочих в партийных организациях было еще весьма незначительным. Достаточно привести сведения о численности наиболее крупных социал-демократических организаций накануне 1905 г.: Петербургская насчитывала 400 человек, Иваново-Вознесенская - 350, Владимирская - 650, Смоленская - 400, Киевская - 700, Екатеринославская - 800, Кременчугская - 150, Союз горнозаводских рабочих (в Донбассе) - 400, Саратовская - 600, Уфимская - 200. Общее количество членов РСДРП (без национальных организаций - Бунда и др.) не превышало 10 тыс. Рабочие составляли в социал-демократических организациях того времени около 60%, т.е. примерно 5 тыс. человек, или менее 0,2% от общего числа фабрично-заводских, промышленных рабочих по России в целом.

В прежней литературе практически обходился вопрос о влиятельности и дееспособности партийных организаций начала XX в., хотя определенные данные на этот счет в источниках были. Так, в докладе Петербургского комитета III съезду РСДРП отмечалось, что накануне 9 января 1905 г. большевистская организация в столице находилась "в крайне плачевном состоянии", рабочих среди членов городского комитета не было и дело даже доходило до избития рабочими партийных агитаторов и уничтожения листовок⁴⁹. Аналогичные свидетельства содержали и другие источники, в том числе мемуары. Так, один из социал-демократов вспоминал, что большевики в Петербурге в 1905 г. были "слабы" (примерно 1000 человек), а их связи с рабочими - "минимальны"⁵⁰. С этими свидетельствами в какой-то мере согласуется информация из нелегальной газеты московских большевиков (февраль 1905 г.) о положении в столице накануне Кровавого воскресенья: "Гапон был везде. Он ободрял, убеждал, заклинал стоять до конца... Комитеты социал-демократический и социалистов-революционеров решили на общем собрании примкнуть к уже создавшемуся движению... Даже простое присоединение к движению вначале не удавалось; прокламации принимались неохотно; их заменяли послания о. Гапона"⁵¹.

Многие рабочие ценили товарищество, взаимовыручку, взаимопомощь. В то же время среди части рабочих были распространены подхалимство, наущничество, оскорбительное отношение к товарищам⁵².

В таком многонациональном государстве, как Россия, немаловажной чертой менталитета рабочих являлось толерантное отношение к представителям различных национальностей. Следует заметить, что рабочая сила в большинстве регионов (за исключением, пожалуй, Польши и Финляндии) была национально неоднородной. Имеется достаточно оснований констатировать нормальные отношения и в быту, и на производстве между рабочими различных национальностей и конфессий. Это отмечалось и в официальных документах о поведении рабочих в первые годы XX в. во время крупных выступлений на Юге России. В этой связи показательное заключение прокурора Кутаисского окружного суда по поводу Батумской стачки в марте 1902 г. (на предприятиях города трудились грузины, абхазцы, русские, казанские татары и представители других национальностей). Прокурор отмечал "замечательно стойкую, крепкую солидарность рабочих разных племен, наречий и вероисповеданий, людей, иногда не понимающих друг друга, но очевидно слившихся в одном чувстве"⁵³. В еще большей степени это было характерно для стачек лета 1903 г. Орган Кавказского союзного комитета РСДРП в связи с всеобщей стачкой в Баку писал: "Впервые все бакинские пролетарии слились в одну гигантскую семью... около одной

заветной цели - освобождения трудящихся. Рабочие - русский и мусульманин, армянин и поляк... подали друг другу руку"⁵⁴. В письме о стачке в Елисаветграде Херсонской губернии в июле 1903 г. сообщалось: «"Товарищ, брат!" - таково было обычное обращение здешнего русского рабочего к еврейскому во время стачки»⁵⁵. Подобное положение отмечалось и в других национальных регионах страны. "Несмотря на преобладание элементов, чувствительных к национальным вопросам, - сообщалось в корреспонденции из белорусских и литовских губерний, - среди рабочих почти нет националистов; сионизм... не встречает сочувствия в рабочей среде, и местные сионисты состоят из средней буржуазии; нет также в рабочей среде враждебных друг другу элементов"⁵⁶. Известно, однако, что в первые годы XX в. в Варшаве польские и еврейские рабочие - приверженцы соответственно ППС и Бунда - проводили первомайские демонстрации нередко в одно и то же время, но на различных улицах. Но в данном случае размежевание происходило не по национальному, а прежде всего по партийному признаку.

Особняком стоят антиеврейские погромы в Кишиневе (1903 г.) и в некоторых других местах, а также армяно-азербайджанская резня в 1905-1906 гг. Строго говоря, эти события, в которых участвовали и рабочие, не характеризовали взаимоотношения между рабочими различных национальностей (они, кстати, осуждались нелегальной партийной печатью различных направлений и сознательными рабочими). Подоплеку этих безусловно массовых выступлений можно усмотреть в материальной недостаточности, имущественном неравенстве, а также в издавна сложившихся отношениях, связанных с религиозными различиями. Примечателен в этом отношении ответ полицейских властей Киевской губернии на запрос Департамента полиции. В "Справке", относящейся к началу 1906 г., в частности, отмечалось: "...разжигания национальной вражды не замечалось, но последняя существует независимо от партий между евреями и русскими вследствие постоянных столкновений на экономической почве"⁵⁷. Возникавшую социально напряженную ситуацию в отдельных случаях власти разряжали, направляя недовольство низов по национальному руслу⁵⁸.

Благоговейным было отношение большинства рабочих к образованию, знаниям, культуре. Они испытывали тягу к "свету культуры", стремились к повышению образовательного уровня. В известной мере это обуславливалось усложнением производства и реалиями городской жизни, но в определенной мере налицо было и желание с помощью образования "обустроить" свою жизнь, сделать ее лучше, обеспечить в материальном отношении. Рабочие - по сравнению с крестьянами - имели больше возможностей реализовать свои стремления, что проявилось, в частности, в более высоком уровне грамотности среди них⁵⁹.

В конце XIX - начале XX вв. не только сами рабочие ощущали себя "особенным сословием", со "своими" представлениями и "своим" особым поведением. Это констатировали и представители властей, заводской администрации. Так, во всеподданнейшем отчете харьковского губернатора за 1899 г. отмечалось, что фабричный рабочий, сделавшись постоянным городским жителем, "утрачивает многие хорошие особенности, свойственные деревенскому обывателю, и прежде всего исконное его мирозерцание, положительное и беспристрастное, покоящееся на указаниях религии и заветах предков. Отчасти под действием чисто физических причин, каковы тяжелый труд и нередко антигигиенические условия городской жизни, отчасти под влиянием городских соблазнов, рабочий теряет физическую выносливость и душевное равновесие, присущее сельскому жителю; он делается нервным, притязательным, склонным ко всякого рода мечтаньям. Эти свойства фабричного рабочего пролагают весьма удобный путь к возбуждению в нем недовольства и собственным положением, и общественным строем, к чему и направлены в последнее время усилия врагов существующего порядка, к сожалению, сопровождающиеся некоторым успехом. В отчетном году во многих промышленных заведениях Харьковской губ. замечены были попытки к устройству стачек и забастовок и к представлению разных требований по улучшению положения рабочих... Текущий год дает уже несколько указаний, что в рабочую среду, по крайней мере в крупных центрах, успели уже в некоторой степени проникнуть социалистические идеи о противоположности интересов рабочих и работодателей и о необходимости для рабочих вступить в борьбу за свои попираемые будто бы интересы, причем средствами борьбы должны были служить устройство стачек, забастовок, манифестаций и другие подобные просьбы, в совершенстве выработанные рабочими Западной Европы... [1 мая] рабочие пытались большими толпами, в виде процессии, пройти по городу с манифестационными целями, причем даже были попытки выкинуть красные флаги... Рабочие вели себя затем весьма вызывающе, дерзко, требовали освобождения своих арестованных товарищей и настойчиво выставляли свои требования, в том числе уменьшения рабочего времени до 8-часового. Волнения рабочих продолжались несколько

дней... Рабочие действовали под влиянием широко распространенных в последнее время прокламаций, исходивших от разных социалистических кружков, и по программе, рекомендуемой этими кружками... Рабочие в данном случае уже отнюдь не являлись слепым орудием в руках злонамеренных лиц..., многие из них сознательно выяснили себе преследуемые ими цели, твердо усвоили определенную программу действий и проявили в осуществлении этой программы выдержку и дисциплину. В этом, как я смею полагать, и заключается опасный симптом⁶⁰.

Шеф жандармов П. Д. Святополк-Мирский писал в 1901 г.: "В последние 3-4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется в заводе еще немного, но эта ничтожная горстка руководит всей остальной инертной массой рабочих"⁶¹.

Эти примечательные документы весьма рельефно рисуют представления и поведение значительной части рабочих, указывают на черты, отличавшие их от крестьянской массы: нескрываемая неудовлетворенность своим экономическим и правовым положением; иронический взгляд на жизнь; ослабление религиозных представлений и несоблюдение сложившихся в прошлом норм поведения; особые манеры, пренебрежение законом и неповиновение властям; стремление изменить свое положение с помощью организации революционеров и массовых выступлений, направленных против предпринимателей и в какой-то мере против властей.

И все же, несмотря на происходившие сдвиги и изменения во взглядах и стереотипах поведения, большинство рабочих в общем и целом не выходило за рамки прежних представлений, освященных религией и официальной идеологией.

За пределами этой характеристики находился лишь сравнительно небольшой слой социально активных рабочих, связанных с социалистами и участвовавшими ранее в массовых выступлениях.

При этом, однако, нельзя не отметить следующего важного момента, касающегося менталитета рабочих России конца XIX - начала XX в. Низшие их слои оставались еще в плену консервативных представлений, "передовики" усваивали и пытались даже руководствоваться новыми взглядами, привносимыми социалистической интеллигенцией, "середняки" колебались, проявляя неустойчивость и во взглядах, и в поведении.

Революционные события 1905-1907 гг. принесли с собой существенную корректировку менталитета прежде всего средних и низших слоев рабочих, не говоря уже о том, что расстановка сил внутри пролетариата изменилась в пользу социально более активных слоев. Эти сдвиги выразились в изменении представлений о способах улучшения своего положения, в перемене отношения к самодержавно-полицейским порядкам и к леворадикальным партиям, в стремлении к организации. Но ситуация изменилась отнюдь не вдруг, предшествовавший революции 1905-1907 гг. период был естественной предысторией "раскачивания" и надламывания прошлых, консервативных представлений и стереотипов поведения.

Примечания

¹Голгофский А. Современный фабрично-рабочий в физическом, умственном и нравственном отношении; причины, поддерживающие невысокий уровень его развития, и меры к подъему его благосостояния // Труды Всероссийского Торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Т. 3. Вып. 5 (Условия быта и работы фабрично-заводских рабочих). СПб., 1896. С. 19.

²См. об этом: Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970.

³См.: Петиция рабочих и жителей Петербурга // Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало Первой русской революции. Январь-март 1905 г. М., 1955. С. 28-31; см. также: Ганелин Р. Ш. К истории текста Петиции 9 января 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV. Л., 1983. С. 229-249.

⁴См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. Изд. 2-е. М., 1989. С. 273.

⁵ГА РФ, ф. 102, оп. 161; 1901 г., д. 56, л. 51.

⁶Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии. Материалы и документы. М., 1931. С. 182.

⁷Погожев А. В. Учет численности и состава рабочих России. СПб., 1906. С. 56; Иванов Л. М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата // Рабочий класс и

рабочее движение в России. 1861-1917. М., 1966. С. 141; Канель В. Рабочий договор. К вопросу о положении рабочего класса в России. Ч. 1. М., 1907. С. 5-6.

⁸ ГА РФ, ф. 102, 7 д-во; 1898 г., д. 147, л. 2-3.

⁹ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 561.

¹⁰ Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии. С. 190-191.

¹¹ См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб., 1903. С. XI-XII; Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии. С. 180-189, 190-195; Горбунов И. Рабочий вопрос в постановке его рабочими во время стачек в период с 1896 по 1909 г. включительно // Вестник Общества технологов. СПб., 1910. № 7-8; Невский В. И. Январское рабочее движение 1905 г. (Материалы фабричной инспекции) // История пролетариата СССР. М., 1930.

¹² Цит. по: Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу. М., 1906. С. 258-259.

¹³ ГА РФ, ф. 102. ОО. 1898 г., д. 4, ч. 50, лит. А, л. 39-40.

¹⁴ Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии. С. 183-185.

¹⁵ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903-1905 гг. В 3-х т. Т. 1. М., 1975. С. 117.

¹⁶ Скрыпник Н. Две революции // Летопись революции. Харьков, 1930. М» 6 (45). С. IX.

¹⁷ Левус. Из истории революционного движения в Донском бассейне // Народное дело. Сборник ЦК партии эсеров. [Б.м.] 1909. № 3. С. 66.

¹⁸ Тихомиров Л. Значение 19 февраля 1902 г. для московских рабочих // Былое (Paris). 1912. № 14. С. 86-88.

¹⁹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 12. М.; Л., 1925. С. 17-18, 27, 31; т. 13. М.; Л., 1926. С. 338, 342, 351; Ленин В. И. ПСС. Т. 9. С. 217; Т. 13. С. 331-332. См. также: Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С. 354-355; Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992; Нарский И. В. Революционеры "справа": черносотенцы на Урале в 1905-1916 гг. Екатеринбург, 1994. С. 17, 62, 63.

²⁰ Персиц М. М. Атеизм русского рабочего (1870-1905). М., 1965. С. 230.

²¹ Смидович П. Рабочие массы в 90-х годах. М., 1930. С. 12-13.

²² См.: ГА РФ, ф. 102, 7 д-во. 1897 г., д. 43. л. 39-39 об., 50, 58; ОО, 1898 г., д. 4, ч. 1, л. 61-61 об., 74; д. 4, ч. 1. Лит. Б. Л. 1; д. 4, ч. 1. Лит. А. Л. 12, 14-15, 16, 17; д. 4, ч. 8, л. 20-20 об.; РГИА, ф. 23, оп. 17, д. 312, л. 95 об., 99, 114, 125; Рабочее знамя, 1898, № 1, с. 10; Рабочее дело. 1899. № 2-3. Отд. 1, с. 37; Тахтарев К. М. Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. Лондон, 1902. С. 105, 106; Озеров И. Х. Указ. соч. С. 113-114; Меньшиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций в России, существовавших во время самодержавия. Ч. 1. Вып. I (1895-1903). М., 1925. С. 91-92; Рабочее движение в России в XIX в. Т. 4. Ч. 2. М., 1963. С. 42-43. С. 765, 766, 771, 774, 775, 780, 782, 789, 790.

²³ См., например, листовки петербургских социал-демократов за 1898 г.: ГА РФ, ф. 1741, оп. 1, № 17 781; Гос. общ.-полит. библиотека. ЦЛ. Л. 45/1898. IX; Рабочее движение в России. Т. 4. Ч. 2. С. 230.

²⁴ Революционная Россия (Париж), 1902. Октябрь. № 12. С. 14.

²⁵ Русское Знамя. СПб., 1910, 15 октября. С. 2.

²⁶ Положение тверских рабочих. Женева, 1899; Доклад Романову (1901) // Красный архив. М., 1936. Т. 3 (76). С. 62-66; Миронов К. Из воспоминаний рабочего. М., 1922. С. 22; Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. М., 1931. С. 89.

²⁷ См.: Кирьянов Ю. И. Были ли антивоенные стачки в 1914г. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 43-53; Jahn H. F. Patriotic culture in Russia during Word War I. Ithaca, L., 1995.

²⁸ См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 489—490, 588—589.

²⁹ Дан Ф. И. Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк, 1946.

³⁰ См.: Переписка В. И. Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России 1900-1903; Сб. док. В 3 т. Т. 1. М., 1969. С. 130, 432; Т. 2. С. 424.

³¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 12. С. 440.

³² Махов Н. И. На заре революционного движения (Из личных воспоминаний) // Иваново-Вознесенский губернский ежегодник... на 1921 г. Иваново-Вознесенск, 1921. С. 33-34; Стихотворение Махова "На Новый год" ("Мы как члены славной партии...") Вещественное доказательство к протоколу осмотра № 9. 1 февраля 1896 г. // ГА РФ, ф. 1167, оп. 2, д. 1899.

³³ Ленин В. И. ПСС. Т. 12. С. 81.

³⁴ См.: Рабочее движение в России в XIX в. Т. 4. Ч. 1 (1895-1897 гг.). М., 1961. С. 597-599; Первое мая в царской России. М., 1939. С. 19-21; Что такое социализм и революция. Одесса. Изд. партии социалистов-революционеров. 1904.

³⁵ Московские ведомости. 1903. 22, 23 января // ГА РФ, ф. 1167, оп. 2, д. 5536, л. 121.

- ³⁶ Васильев А. Каким воздухом дышит текстильный рабочий... // Фабричный станок. СПб 1908. №5. С. 4.
- ³⁷ ГА РФ, ф. 1741, оп. 1, № 3702; ф. 102, оп. 252, 1898-1899 гг. д. 18, л. 4-4 об.
- ³⁸ См.: Смидович П. Указ. соч. С. 11-12; Панкратова А. М. Рабочие завода "Серп и молот" в 1905 г. (К постановке опыта изучения автобиографий старых рабочих) // Панкратова А. М. Рабочий класс России. Избр. труды. М., 1983. С. 253.
- ³⁹ См.: ГА РФ, ф. 102, ОО. 1898 г., д. 4, ч. 18, л. 45-45, 66-76 (Александровский завод в Екатеринославе, май 1898 г.); Рабочее дело. 1899. № I. С. 86-87 (То же); Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 608 (фабрика Морозовой В. А. т-ва Тверской м-ры, октябрь 1898 г.); Статистические сведения о стачках на фабриках и заводах за десятилетие 1895-1904 г. СПб., 1905; см. также: Wynn Ch. Workers, Strikes and Pogroms. The Donbass-Dnepr. 1870-1905. Princeton, New Jersey, 1992.
- ⁴⁰ Красная новь. Кн. 6. М., 1922. С. 178-199.
- ⁴¹ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1905 г. СПб., 1908. С. 52-53; см. также: Свод... за 1901 г. С. 48-49; Свод... за 1914 г. С. 172-173.
- ⁴² См., например, листовки Петербургского, Екатеринославского "Союзов борьбы" и др. партийных организаций за 1898 г.: Рабочее движение в России в XIX в. Т. 4. Ч. 2. С. 33-36, 162-163, 201-203, 222-224, 776.
- ⁴³ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 588-589.
- ⁴⁴ Там же. С. 553, 578-579.
- ⁴⁵ Листовки Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса. 1895-1897". М., 1934. С. 20-21; Рабочее движение в России в XIX в. Т. 4. Ч. 1. С. 49-50.
- ⁴⁶ Смидович П. Указ. соч. С. 12-13.
- ⁴⁷ См.: Бухбиндер Н. А. История еврейского рабочего движения в России (по неизданным архивным материалам). Л., 1925. С. 191-192.
- ⁴⁸ Левус. Указ. соч. С. 60.
- ⁴⁹ Третий съезд РСДРП: Протоколы. Апрель-май 1905 г. М., 1959. С. 544-545.
- ⁵⁰ Гуль Р. Я унес Россию. Воспоминания // Огонек. 1992. № 7. С. 11.
- ⁵¹ Голос труда. М. 1905, февраль [после 20].
- ⁵² См.: Клейнборт Л. Вопросы чести и совести в рабочей среде // Современный мир (СПб.). 1913. № 4; Шишкин В. Ф. Так складывалась революционная мораль. М., 1967; Кирьянов Ю. И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 131-132.
- ⁵³ ГА РФ, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 4, ч. 38. Лит. А, л. 27-29. См. также: Ушаков А. В. Борьба партии за гегемонию пролетариата в революционно-демократическом движении России. 1895-1904. М., 1974. С. 184-185.
- ⁵⁴ Листок "Борьбы пролетариата". 1903. № 3. С. 4; Листовки Кавказского союза РСДРП. 1903-1905 гг. М., 1955. С. 103.
- ⁵⁵ Последние известия. 1903. 27(14) августа. С. 2-3.
- ⁵⁶ Я. О. Условия жизни рабочих С[еверо]-3[ападного] края (Письмо из Минска) // Неделя. 1904. № 3. С. 11-12.
- ⁵⁷ Наряд по секретной переписке. По Киевской губернии 1906 г. // ГА РФ, ф. 102, ОО, 1906 г., оп. 236 (II отд.), д. 828, ч. 8, л. 5.
- ⁵⁸ См. постановления и другие документы собраний в Баку, принятые в связи с кровавыми событиями в городе в феврале 1905 г. // Листовки бакинских большевиков 1905-1907 гг. Баку, 1955. С. 30-32, 35.
- ⁵⁹ Русское богатство. СПб., 1900. № 12. Отд. 11; Озеров И. Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX в. М., 1905. С. 89, 91; Десятилетие общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих г. Москвы. 1902-1912 гг. М., 1912. С. 1, 3; Королева М. Л. Формирование культурного облика и общественно-политического сознания московских рабочих на рубеже XIX-XX вв. (1895-1904). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Кизченко В. И. Культурный облик пролетариата Украины в период империализма. Киев, 1990.
- ⁶⁰ ГА РФ, ф. 102, ОО. 1898 г., д. 5, ч. 12. Лит. А, л. 44-46. Отчет частично опубликован: Летопись революции. Харьков. 1924. №2. С. 217-223.
- ⁶¹ См.: Красный архив. М., 1936. № 3. С. 62.